

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-254-262

УДК 930

«ИМЕЛ НЕОТРАЗИМОЕ ВЛИЯНИЕ НА ГОРЦЕВ...»: ШЕЙХ МАНСУР В КАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ (о сборнике документов: Манышев С.Б. Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сб. документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС- ИСТОРИ, 2022. 464 с.: 8 л. ил.)

Клычников Юрий Юрьевич

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Россия

klichnikov@mail.ru

Аннотация. В рецензии представлен анализ сборника документов, посвященного одной из ключевых фигур кавказской истории XVIII в. — шейха Мансура. Эта личность уже при жизни оказалась мифологизирована, и в дальнейшем такая тенденция только усиливалась. Материалы являются преимущественно свидетельствами непосредственных участников событий, связанных с противостоянием российской власти и горского предводителя. Они отражают текущую канву событий и, как правило, лишены пропагандистских штампов. Составителем были подготовлены обстоятельные комментарии и пояснения к опубликованным свидетельствам. В работе присутствует обзор трудов, посвященных шейху Мансуру, анализируется историческая ситуация, в которой действовал этот проповедник и политический деятель. Один из разделов посвящен археографическому обзору проблемы. Хронологическая таблица, географические указатели, терминологический словарь, список источников и литературы, иллюстрации и карты делают сборник информативным, наглядным и удобным для работы.

Ключевые слова: документы, шейх Мансур, биография, миф, горцы, набеги, арест, узник, войско.

“HAD AN IRRESISTIBLE INFLUENCE ON THE HIGHLANDERS...”: SHEIKH MANSUR IN THE CAUCASIAN HISTORY (about the collection of documents: Manyshev S.B. Sheikh Mansoor in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives: collection of documents / identification, archaeographic treatment, preface, introductory article, comments, indexes by S.B. Manyshev. Moscow: Publishing house “Kuchkovo pole”: X-HISTORY, 2022. 464 p.: 8 l. ill.)

Klychnikov Yuriy Yu.

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia
klichnikov@mail.ru

Abstract. The review presents an analysis of a collection of documents dedicated to one of the key figures in Caucasian history of the 18th century – Sheikh Mansur. This personality was already mythologized during his lifetime, and in the future this trend only intensified. The materials are predominantly testimonies of direct participants in events related to the confrontation between the Russian government and the mountain leader. They reflect the current outline of events, and, as a rule, are devoid of propaganda clichés. The compiler prepared detailed comments and explanations for the published evidence. The work contains an overview of works dedicated to Sheikh Mansur, and provides an overview of the historical situation in which this preacher and politician acted. One of the sections is devoted to an archaeographic overview of the problem. A chronological table, geographical indexes, a terminological dictionary, a list of sources and literature, illustrations and maps make the collection informative, visual and convenient for researchers to work with.

Keywords: documents, Sheikh Mansur, biography, myth, highlanders, raids, arrest, prisoner, army.

Цитирование: Клычников Ю.Ю. «Имел неотразимое влияние на горцев...»: шейх Мансур в кавказской истории (о сборнике документов: Манышев С.Б. Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сб. документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС-ИСТОРИИ, 2022. 464 с.: 8 л. ил.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 254–262. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-254-262 / Klychnikov Yu.Yu. “Had an Irresistible Influence on the Highlanders...”: Sheikh Mansur in the Caucasian History (about the Collection of Documents: Manyshev S.B. Sheikh Mansoor in the Materials of the Kizlyar and Mozdok Commandant Archives: collection of documents / identification, archaeographic treatment, preface, introductory article, comments, indexes by S.B. Manyshev. Moscow: Publishing house “Kuchkovo pole”: X-HISTORY, 2022. 464 p.: 8 l. ill.), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 254–262. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-254-262.

© Клычников Ю.Ю., 2024

Заслуживающим внимания событием в отечественном кавказоведении стал выход сборника документов, посвященного заметной фигуре местной истории XVIII в. — шейху Мансуру (Ушурме). Еще при жизни вокруг этой личности сформировался ореол таинственности. В предисловии составитель цитирует А. Руновского, который отмечал «неотразимое влияние на горцев» бывшего пастуха из селения Алды, который сделался проповедником и политическим лидером, сумевшим увлечь за собой немалое по местным меркам число приверженцев. При этом вызывает интерес и тот факт, что на фоне ярких событий бурного правления Екатерины II он при достаточно скромных успехах не только не затерялся, но даже удостоился куда большего внимания историков, чем имел у своих современников.

О таком феномене С.Б. Манышев рассказывает в первой части своего труда. Она представляет весьма вдумчивый анализ работ, посвященных Мансуру, демонстрируя причудливые коллизии осмысления личности этого человека в отечественной исторической науке. Справедливым видится вывод о том, что «домыслы и загадки, которыми полна биография Мансура, полностью вытеснили реального человека» [Манышев, 2022, с. 6]. Вымышленный образ шейха оказался куда более востребованным, чем реальный чеченский пастух, в течение нескольких лет привлекавший к себе внимание сильных мира сего в Петербурге и Стамбуле, явно не ожидавших появления на оспариваемом, но все же второстепенном фронтире столь необычной фигуры. От местечковых лидеров не ждали амбициозных претензий на роль теократического вождя, способного обуздать своеволие этнически пестрого края, а потому шейх Мансур сумел удивить и заинтересовать геополитических тяжеловесов, искавших любые способы ослабить друг друга в развернувшейся напряженной борьбе. Тем не менее скепсис остался и нашел отражение в исследованиях, посвященных биографии и достижениям горского предводителя. Наиболее экзотической стала версия об итальянском происхождении Мансура, под личиной которого якобы скрывался авантюрист Жан Батиста Бозетти.

В советский период возник замысел сделать из Мансура «первого кавказского революционера», что соответствовало запросам энергично формируемой новой социалистической идеологии. Имея привлекательное и социально «правильное» происхождение, Ушурма вполне подходил для этой роли, а его религиозные убеждения трактовались как внешняя оболочка развернувшейся «классовой борьбы». Желание получить престижную фигуру «своего» человека на историческом «революционном Олимпе», с одной стороны, подогревало интерес к изучению биографии Мансура, а с другой — ограничивало возможности для объективного анализа его деятельности, тем более что источниковая база проблемы оказалась довольно скудной. Все это открывало широкие возможности для комплиментарного этнического мифотворчества, превращая реконструкцию биографии этого персонажа в «агиографические» панегирики [Манышев, 2022, с. 15].

Причудливые зигзаги советской национальной политики привели к тому, что после депортации чеченцев в феврале 1944 г. кардинально изменилось и отношение к шейху Мансуру. Из «подлинного вождя национально-освободительной борьбы горцев» он превращается в османского агента, чья деятельность была направлена на борьбу против России.

Обе трактовки не находили соответствующего документального подтверждения и значительно упрощали, а то и откровенно вульгаризировали исторические процессы, участником которых был Ушурма. Власть, осознавая деструктивный и конструктивный потенциал исторической памяти, предпочла направить усилия на создание позитивного мифа в общем прошлом народов многонационального Союза, а то, что не соответствовало такой трактовке, превращалось «в реакционное и инспирированное иностранной державой» [Маньшев, 2022, с. 21].

Для чеченской «новой национальной интеллигенции», сформировавшейся после возвращения из ссылки, шейх Мансур оставался весьма привлекательной личностью, которая претендовала на престижную нишу в создаваемой советской идеологией пантеоне народных героев — борцов с царизмом. Альтернативу ему в местной истории XVIII в. найти было трудно. А потому из Ушурмы последовательно формировали образ общекавказского лидера, сумевшего повести за собой социальные низы не только Чечни, но и Дагестана, Кабарды, Черкесии. В итоге складывается триединый канон в оценке движения Мансура, который характеризовал его как «народное», «антифеодалное» и «антиколониальное», в значительной степени перекочевавший и в современную российскую историографию [Шейх Мансур..., 1992].

В опубликованной рецензии по случаю выхода в свет в 2022 г. очередной работы об Ушурме [Гроза над Кавказом..., 2022], подготовленной директором Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики С.С. Магамадовым, давалась такая оценка ситуации: «К концу XVIII в. чеченцы — один из немногих народов Кавказа, который сложился в нацию с единой религией и национальным самосознанием, — создали хозяйственно-зерновой центр на равнине (влиывший также на экономику Дагестана и Кабарды). Общества Чечни при всей их видимой разобщенности проводили некую консолидированную внешнюю и оборонительную политику на всех направлениях. Именно на ее территории появился «предтеча имамов» — шейх Мансур. Именно из Чечни последовали импульсы общесеверокавказского, горско-исламского объединения государственного типа» [Вышла в свет ..., 2022].

Латентное соперничество за «исторический престиж» среди ученых-кавказоведов из республик региона никуда не делось, и, судя по претенциозным формулировкам в названии заявленных конференций, образ Мансура по-прежнему будут использовать в данном ключе, стремясь представить его фигурой, не уступающей по значимости наиболее известному имаму Шамилю (см., например: Международная научная конференция «Шейх Мансур (Ушурма Алдынский) — первый имам Кавказа: религиозная и военно-политическая деятельность (1783–1791 гг.)». Грозный, 20–24 сентября 2024 г.).

Долгое время источниковая база трудов, посвященных деятельности Ушурмы, оставалась без каких-либо серьезных изменений. В основном речь шла о трактовке уже известных фактов. Отсюда желание исследователей восполнить имеющиеся пробелы гипотетическими рассуждениями, умеренность которых в немалой степени зависит от уровня профессионализма конкретного автора [Дегоев, 2013].

Историческому фону посвящен и второй раздел рецензируемого труда, который назван «Империя, Чечня, Мансур». Здесь автор предпринимает ретроспективный анализ

русско-чеченских отношений, уходящих своими корнями в XVI столетие. Отмечается, что наличие шерти не гарантировало отказ от «набегового промысла», практикуемого местными сообществами, весьма вольно трактовавшими свою зависимость от московского сюзерена. По мере расширения присутствия чеченцев на равнине, такого рода «шалости» приобретали все больший размах, провоцируя российские власти на применение против них репрессалий. Представляется, что такие столкновения не выходили за рамки «военного акционизма», бессистемного и не ставившего своей конечной целью покорение или истребление противной стороны. Это была скорее демонстрация своих возможностей неприятелю, своеобразный принцип талиона, в какой-то степени нивелирующий выгоду от набеговых «хищничеств».

Одновременно расширялись и взаимовыгодные экономические связи, особенно активизировавшиеся после основания Кизляра, вскоре ставшего главным форпостом империи в крае. Торговля привлекала сюда не только жителей сопредельных территорий, но и купцов из других стран, привозивших сюда свои товары [Гарунова, 2007, с. 175–195]. Город-крепость в глазах местных жителей являлся средоточием богатств, захватить которые были не прочь молодецкие ватаги набегчиков.

Плоскостные селения чеченцев, находясь в благоприятных условиях, богатели. В немалой степени это явилось последствием российской политики на Кавказе, способствовавшей освоению ими равнинных территорий. Она же и формировала немалые искушения, определяя новый вектор набеговой экспансии, суливший материальные и символические выгоды. Чеченское общество претерпевало социокультурные трансформации, вылившиеся среди прочего в изменившиеся запросы и представления о благосостоянии и образе жизни. Внешне некоторые проявления таких претензий вполне могли трактоваться как «порча нравов», особенно когда речь шла о курении табака или употреблении алкоголя, порицавшихся в исламе. Да и обеспечить себя средствами для нового образа жизни мирным трудом было затруднительно. Отсюда и разбои, угроза стать жертвой которых вполне реально нависла не только над чужаками, но и над соплеменниками-единоверцами.

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что будущий шейх родился в селении, которое неоднократно присягало на верность России и вполне успешно использовало те преимущества, которые давало ему соседство с русскими. Здесь примеров «скверны», видимо, было предостаточно, а потому вчерашний пастух и земледелец свою религиозную деятельность посвятил исправлению нравов и поиску «экономически выгодного» неприятеля, на которого можно было переключить деструктивный воинственный потенциал своих сородичей.

Проповеди Мансура возымели успех, а его демонстративная раздача милостыни наиболее нуждающимся стала доказательством «святости» проповедника. Судя по тому, что в Алды «великими толпами» потянулись желающие услышать его проповеди, в обществе существовала насущная потребность в тех действиях, к которым призывал новоявленный вождь. Слова сомневающихся в его достоинствах не могли заглушить хор впавших в состояние религиозной экзальтации людей. Доверчивым адептам было обещано явление множества чудес и поддержка высших сил

в борьбе против русских. Когда же обещания не сбывались, все объяснялось тем, что имама «сглазили» его недруги [АКАК, 1868, с. 1114].

Встревоженное российское командование не могло игнорировать происходящих приготовлений и решило нанести превентивный удар по возникшему очагу напряженности. В Алды был направлен отряд полковника Н.Ю. Пьери, разоривший селение, но на обратном пути понесший ощутимый урон.

В европейских войнах, где в одном сражении сгорали и стачивались целые полки и дивизии, потеря одного батальона не произвела бы большого впечатления ни на командование, ни на общество. Другое дело Кавказ, где набег небольшой группы наездников, разжившихся табуном лошадей, был достойным поводом для героических илли (илли – героико-эпические песни у вайнахов. – Ю.К.). Гибель и пленение около полутысячи неприятельских солдат вместе с их командиром гальванизирующие подействовали на местное население. Под знамена доказавшего свою удачу предводителя стали стекаться новые силы, тем более что в награду праведникам было обещано не только воздаяние после смерти, но и грабеж желанного Кизляра при жизни.

Произошедшее стало наибольшим успехом шейха Мансура, обеспечило ему кредит доверия со стороны не только соплеменников, но и выходцев из Дагестана и Кабарды. Впрочем, как только военная удача отвернулась от проповедника, численность его отрядов столь же быстро сократилась. Потери, понесенные в боях, не соответствовали получаемой выгоде. Попытка договориться с российским командованием и предложение в обмен на амнистию обеспечить спокойствие в горах понимания не встретили. От Мансура ждали капитуляции. Последнее обстоятельство примечательно. Российские власти, видимо, разобрались в реальной значимости шейха для решения местных проблем и сочли его малоинтересной фигурой.

По мере утраты влияния на северокавказских горцев Ушурма все больше сближался с османами. Они были не прочь использовать его возможности для мобилизации антирусских сил в регионе, для чего оказывали знаки внимания, делали подарки и т.п. Как и их визави в Петербурге, власти в Стамбуле достаточно скоро утратили былые иллюзии в отношении получения возможной пользы от шейха Мансура, но отвергать его не собирались. При благоприятном развитии событий турки надеялись использовать проповедника для призыва к газавату киргиз-кайсаков.

Надежда вернуть прежнее положение среди горцев появилась у шейха в то время, когда поход на Северный Кавказ предпринял турецкий полководец Батал-паша. Вновь возник замысел попытаться счастье в нападении на Кизляр, и шейх начал активно вербовать сторонников в Дагестане. Но замыслы Мансура рухнули после разгрома османско-горского войска отрядом генерала И.И. Германа [Погром Батал-паши..., 2023]. После этого ни оставалось иного выхода, как опять уйти к туркам, чтобы вместе с гарнизоном крепости Анапы стать трофеем победоносного воинства И.В. Гудовича.

Благодаря введенному в научный оборот делу «О бунтовщике Кавказском, чеченце Ших-Мансуре, отправленном в Шлиссельбург на заточение. 1791 г.» стали известны новые подробности о последних годах жизни горского «возмутителя» [Мусаев,

2007, с. 272–291]. Отмечается, что в этой крепости принято было держать важных политических преступников, к числу которых российские власти причислили мятежного шейха. Никто не собирался казнить его. Даже когда Ушурма бросился с ножом на караульного, его лишь временно «заковали в железо», чтобы препроводить в место заточения, а потом вновь сняли кандалы. Выделенного ему содержания (после смерти у него оставалось «двадцать рублей») хватало с избытком. Узнику сохранили личные вещи.

Сдавшийся на милость победителя, он сохранил жизнь, но, видимо, рассчитывал на большее. Мансур слишком поздно понял, что в его политических услугах российские власти не нуждаются. Разочарование выливалось в припадки ярости, что заставило «содержать того арестанта под строжайшим присмотром, дабы он как себе, так и другому кому какого зла, а паче убийства учинить не мог, и для того ничего бы ему в руки не давать, и никого к нему не допускать» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2777, л. 38]. Можно предположить, что личная трагедия этого человека будет в дальнейшем активно использоваться в создании нового мифа о «несломленном узнике», а попытка удержать его от суицида трактоваться как жестокость властей.

Видится справедливым вывод С.Б. Манышева о том, что выходца «с далекой окраины империи, о котором очень мало было известно, не считали большой угрозой для престола, а его публичное наказание не принесло бы короне какой бы то ни было пользы» [Манышев, 2022, с. 65]. Но хотя интереса к Мансуру правительство не демонстрировало, в силу теперь уже вряд ли понятных причин избавляться от него не спешило. Пробыв в заточении около двух лет, шейх скончался от болезни и был захоронен на Преображенской горе. Настало время для создания «легенды об успешном “национальном” герое» [Манышев, 2022, с. 70].

Третий раздел вступительной статьи к сборнику посвящен археографическому обзору проблемы. Публикация документов, в той или иной степени касающихся движения шейха Мансура, началась уже в конце XVIII в. Их количество постепенно увеличивалось, и к информации российских источников добавились сведения турецких информаторов, для которых Ушурма был не меньшей загадкой и неожиданностью, нежели для русских. Обращает на себя внимание факт достаточно небрежного отношения к документальным свидетельствам прошлого, которое привело к утрате значительного числа материала. Подобный подход, возможно, был обусловлен «периферийностью» кавказской тематики для исследователей, осваивавших более перспективные и важные с их точки зрения вопросы.

В советский период внимание к движению горцев усиливается. В научный оборот вводятся сведения о соратниках шейха, его попытках найти союзников в борьбе против России среди владетелей Кабарды и Дагестана.

Сложность освоения темы заключалась в том, что документальные свидетельства были рассредоточены по самым разным архивам и архивным фондам. В результате предпринятых усилий в итоге удалось подготовить несколько крупных обобщающих документальных сборников. К их числу, несомненно, относится и вышедший благодаря усилиям С.Б. Манышева труд.

Ценность опубликованного материала, на наш взгляд, заключается прежде всего в том, что документы «представляют собой “низовой” уровень переписки относительно Мансура и его деятельности, они рисуют события не языком победных реляций, а действительных реалий» [Манышев, 2022, с. 88]. Вероятнее всего, эти свидетельства не приведут к кардинальному изменению в оценке движения и уж тем более не смогут остановить процессы мифотворчества вокруг имени Ушурмы. Но они представляют безусловный интерес для понимания того исторического фона, в котором действовал этот незаурядный человек.

Всего в сборнике содержится 290 документов, которые С.Б. Манышев снабдил необходимыми пояснениями и комментариями. Для удобства читателей предлагается хронологическая таблица, в которой изложены события, связанные с движением горцев под предводительством Мансура, начиная с 1785 по 1791 г. включительно. Также подготовлен именной и географический указатели, значительно облегчающие поиск необходимой информации в исследовании. Учитывая специфичный характер нарратива XVIII столетия, не лишним представляется и подготовленный терминологический словарь. Составитель опубликовал обширный список источников и литературы по теме исследования, близкий к оптимальному. Перечень документов, список сокращений, иллюстрации и карты, содержание прекрасно дополняют издание. Заслуживает уважение высказанная составителем благодарность людям, которые оказали ему помощь в подготовке документального сборника. Остается пожелать ученому дальнейших творческих успехов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (АКАК). Под ред. А.П. Берге. Т. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.

Вышла в свет новая книга «Гроза над Кавказом: имам Мансур». 2022. URL: <https://anchr.ru/2022/05/vyshla-v-svet-novaya-kniga-groza-nad-kavkazom-imam-mansur/> (дата обращения – 13 июня 2024 г.).

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII–первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 275 с.

Гроза над Кавказом: имам Мансур. Грозный: Изд-во Академии наук Чеченской Республики, 2022. 320 с.

Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Модест Колеров, 2013. 254 с.

Манышев С.Б. Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сб. документов. М.: Кучково поле: ИКС-ИСТОРИИ, 2022. 464 с.

Мусаев А.Н. Шейх Мансур. М.: Молодая гвардия, 2007. 297 с.

Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 года. Подгот. текста, ред., комм. А.М. Авраменко и А.Г. Гурина. Краснодар: Диапазон-В, 2023. 80 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 2777.
Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Грозный: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Чеченской республики, 1992. 50 с.

REFERENCES

- Akty sobrannye Kavkazskoyu Arheograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] (АКАК). Ed. A.P. Berzhe. Vol. 2. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. 1238 p. (in Russian).
- Vyshla v svet novaya kniga «Groza nad Kavkazom: imam Mansur»* [A new book “Thunderstorm over the Caucasus: Imam Mansur” has been published]. 2022. Available at: <https://anchr.ru/2022/05/vyshla-v-svet-novaya-kniga-groza-nad-kavkazom-imam-mansur/> (accessed 13 June 2024).
- Garunova N.N. *Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII–pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoy, ekonomicheskoy i kul'turnoj integracii* [Russian fortified cities in the context of Russian policy in the North-East Caucasus in the 18th–first half of the 19th centuries: problems of political, economic and cultural integration]. Mahachkala: Institut IAE DNTs RAN, 2007. 275 p. (in Russian).
- Groza nad Kavkazom: imam Mansur* [Thunderstorm over the Caucasus: Imam Mansur]. Groznyj: Izdatel'stvo Akademii nauk Chechenskoj Respubliki, 2022. 320 p. (in Russian).
- Degoev V.V. *Nepostizhimaya Chechnya: Shejh-Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (XVIII century)]. Moscow: Izdatel' Modest Kolerov, 2013. 254 p. (in Russian).
- Manyshev S.B. *Shejh Mansur v materialah kizlyarskogo i mozdokskogo komendantskih arhivov: sb. dokumentov* [Sheikh Mansur in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives: collection. documents]. Moscow: Kuchkovo pole: X–HISTORI, 2022. 464 p. (in Russian).
- Musaev A.N. *Shejh Mansur* [Sheikh Mansour]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 297 p. (in Russian).
- Pogrom Batal-pashi na beregah Kubani 30 sentyabrya 1790 goda* [Pogrom of Batal Pasha on the banks of the Kuban on September 30, 1790]. Text preparation, ed., comments by A.M. Avramenko and A.G. Gurin. Krasnodar: Diapazon-V, 2023. 80 p. (in Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 7. Inv. 2. D. 2777.
- Shejh Mansur i osvoboditel'naya bor'ba narodov Severnogo Kavkaza v poslednej treti XVIII veka. Tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Sheikh Mansur and the liberation struggle of the peoples of the North Caucasus in the last third of the 18th century. Abstracts of reports and messages of the international scientific conference]. Groznyj: Nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk Chechenskoj respubliki, 1992. 50 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 22.07.2024